

ТАЙНЫ И ЗАГАДКИ ГНЁЗДОВА

АРХЕОЛОГИЯ РАССКАЗЫВАЕТ

Федор Модестов

1868 год обещал для Смоленска многое — началось строительство Риго-Орловской железной дороги. Дорога была не только современным средством сообщения, она несла городу торговые выгоды. Сотни крестьян-грабараев, которыми славились некоторые смоленские уезды, строили полотно дороги. У сельца Гнёздова, расположенного в двенадцати верстах к западу от Смоленска, неподалеку от речки Свинки, работа шла как обычно, когда внезапно из-под лопаты одного из грабараев посыпались какие-то монеты и украшения.

Грабараи поняли, что это серебро, и его много. Украшения имели форму браслетов, лунниц, гривен, подвесок с изображением странных зверей и людей, а на монетах были выбиты надписи, похожие на вязь. Находку утаить не удалось, и вскоре ею уже любовались собиратели в Москве и Санкт-Петербурге.

На время о кладе забыли, хотя жители Гнёздова любили рассказывать легенды о «золотом баране», зарытом где-то в окрестностях сельца. Но в последующие два года находки еще нескольких кладов у Гнёздова заставили графа А. С. Уварова, одного из основателей Русского археологического общества, обратить внимание на это место. В 1874 году археолог М. Ф. Кусцинский по инициативе Уварова провел раскопки. Из первых четырнадцати курганов, он получил набор великолепных вещей — меч, наконечник копья, бронзовые украшения, горшки и совершенно чудесный бронзовый хоросанский светильник в форме женской головы с бирюзовой вставкой. Оказалось, что у Гнёздова раскинулись тысячи и тысячи курган-

нов, больших и не очень, тянувшихся вдоль Днепра на несколько верст, а рядом с ними располагалось древнее городище. Находки из курганов и клады будоражили умы археологов.

С 1881 года большие раскопки Гнёздовских курганов стал проводить один из основателей Исторического музея в Москве В. И. Сизов. За 20 лет работы он раскопал более трехсот курганов, а Исторический музей получил великолепную коллекцию разнообразных предметов. Это было оружие (мечи, топоры, наконечники стрел и копий), украшения работы ближневосточных, скандинавских, византийских и славянских ремесленников, предметы быта. В письмах В. И. Сизова часто звучали нотки восхищения от сделанных находок: «Из вещей особенно интересна серебряная бляха, а главное, чарочка, которая привела меня в восторг византийским характером изображенной птицы» (из письма к П. С. Уваровой, 1885 г.).

У исследователей возник вопрос, что за место Гнёздово? Характер находок (предметы арабского, византийского, скандинавского им-

порта, византийские и арабские монеты, складные весы, гири) говорил о торговом характере поселения, а расположение напрямую связывало его со знаменитым торговым путем, описанным в летописи: «Был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, и в верховье Днепра волок до Ловати, и по Ловати можно войти в Ильмень озеро великое, из того же озера потечет Волхов, и втечет в озеро великое Нево, и устье того озера впадет в море Варяжское». Так как топоним Гнёздово не упоминается в летописях и вообще известен только с XVII века, археологи склонились к мнению, что на этом месте в IX–X веках находился Смоленск, перенесенный в начале XI века вверх по Днепру на современное место.

Мертвый город у Гнёздова, как казалось, обрел свое историческое имя. Раскапывать Гнёздовские курганы стало делом модным, уж очень легко можно было получить значительные коллекции древностей с минимальными затратами. Из ярких личностей, изучавших, точнее сказать, копавших Гнёздовские курганы, наиболее известны княгиня М. К. Тенишева и Н. К. Рерих. Помощь княгине в раскопках оказывал профессор В. И. Сизов, и вскоре музей Тенишевой пополнился значительной коллекцией предметов из Гнёздова. Правда, на почве смоленских древностей они и поссорились. Сизов, по отзыву современника, являл собою «образец русской научной и художественной богемы». Самозабвенно

любя археологию, обижался, когда его лишали предмета страсти. Яблоком раздора двух выдающихся людей стала пряжка с эмалью из совместных раскопок. Тенишева вспоминала: «...Мне по телефону сообщили, чтобы я была настороже, что в моих курганах была найдена византийская пряжка с эмалью, но что Сизов просил мне этого не говорить, так как сам в продолжении многих лет домогался найти такую вещь, как недостающую в его курганных коллекциях... Приехав с раскопок 15 июля... Сизов молчал о находке, но я не выдержала и попросила его показать ее. Мы сидели за обедом большой компанией. Он неохотно вынул ее из кармана и подал мне. Когда я взяла ее в руки, что-то дрогнуло в моем сердце, археологическая страсть охватила меня, и желание иметь эту пряжку поглотило все остальные чувства... Я объявила ему, что пряжки не отдам, так как она найдена на моих курганах. Сизов побледнел... Положение становилось страшно натянутым. Но, наконец, переломив себя, с болью в сердце, я рассталась с желанным предметом и передала его Сизову. Но с этой минуты... я его положительно возненавидела... Мы очень холодно простились... он уехал сконфуженный, но довольный, а я в продолжение двух лет избегала с ним встречи, но потом у меня отлегло на сердце, и мы с ним помирились».

Раскопками Гнёздовских курганов занималась и другая неординарная женщина-смолянка, этнограф и археолог Е. Н. Клетнова, составившая интересное научное наследие. Ей, как и М. К. Тенишевой, пришлось покинуть Россию в послереволюционные годы.

Среди тех, кто причастен к раскопкам Гнёздовских курганов, хочется вспомнить и А. Р. Беляева, будущего известного писателя-фантаста. В юности, будучи членом «Общества изучения Смолен-

Корчага с древнерусской надписью «гороушна». Найдена в 1949 г.

Коробочка из кости с резным орнаментом. 2-я половина X в. Скандинавия. Обнаружена в 1950-е годы

Золотые фибулы и подвески. IX—X вв.

Фибула. 2-я половина X в. Обнаружена в 1880—1890-е годы

ской губернии», он раскопал несколько курганов и подарил находки из них Смоленскому историко-археологическому городскому музею.

Почти за сорок лет раскопок, проведенных М. Ф. Кусцинским, В. И. Сизовым, В. Д. Соколовым, В. А. Городцовым, А. С. Абрамовым, С. П. Писаревым, М. К. Тенишевой, Н. К. Рерихом, Е. Н. Клетновой, Г. К. Богуславским, Н. Вируковым и другими было раскопано свыше пятисот курганов. Основная часть находок поступила в московский Исторический музей, значительная коллекция была представлена в музее М. К. Тенишевой «Русская старина» и в Смоленском историко-археологическом музее. Многие находки были подлинными шедеврами декоративно-прикладного искусства IX—X веков.

Сизов обобщил материалы своих раскопок в труде «Гнёздовский могильник близ Смоленска» (1902). Казалось, его труд решал многие загадки Гнёздовских памятников, но в 1909 году в первом выпуске «Смоленской старины» появилась статья Г. К. Богуславского «О результатах изучения Гнёздовского могильника». В ней автор высказал мнение, что Гнёздовские курганы — это только языческое кладбище древнего Смоленска, на которое смоляне привозили по Днепру хоронить своих умерших граждан, и ни о каком поселении, тем более городе, в Гнёздове не может идти речь. На статью не обратили серьезного внимания. Но тогда никто и не мог подумать, что через сорок лет она станет одной из причин, затормозивших изучение Гнёздовских поселений.

В начале 1920-х годов начался новый этап в изучении Гнёздовских памятников, связанный с именем археолога А. Н. Лявданского. Благодаря ему Гнёздовские памятники получили первое подробное описание и обогатились новыми откры-

тиями. Оказалось, что центральную часть комплекса занимало городище. За ним и древним посадом площадью 17,5 га раскинулся огромный некрополь из более чем трех тысяч курганов. В нескольких километрах от Центрального городища в устье реки Ольша находились Ольшанское городище, расположенные рядом селище и несколько других курганных групп. Между городищами, вдоль Днепра, тянулись многочисленные курганы. Всего в Гнёздове первоначально было, видимо, около пяти тысяч курганов. Почти на пять километров раскинулся этот комплекс. Стало ясно, что Гнёздово не имеет аналогов в мире.

В 1920–30-х годах изучение Гнёздовских памятников велось не в столь больших масштабах, как ранее. Это было связано с тем, что раскопки были поставлены на новую научную базу и велось по более совершенной методике. Кроме того, разгром в 30-е годы краеведческого движения привел к значительному сокращению работ на таких сложных памятниках, как Гнёздово. Правда, раскопки 1940 года, казалось, должны были дать новый импульс изучению Гнёздовских древностей. В том году при раскопках Центрального городища лопата землекопа выбросила на поверхность прекрасные золотые украшения. Подвески, украшенные зернью и сканью, ближневосточной работы, византийская монета, превращенная в подвеску, не менее прекрасные сканно-зерненные серебряные скандинавские украшения произвели сильное впечатление на исследователей. Но 1941 год перечеркнул все планы. Мертвый город опять погрузился в сон, но ненадолго. Недобрый стук лопат его разбудил. Рядом в толще земли строили ставку Гитлера — Медвежье логово. И к тысячам Гнёздовским курганам добавились могилы расстрелянных военнопленных, строителей подземной ставки. Место для ставки было вы-

брано Гитлером не случайно. Гнёздовские могильники и поселения западные историки и археологи считали чисто скандинавскими, то есть местом норманнского влияния. Таким образом, подоплека решения нацистов была мистическая. Но духи древних норманнов Гитлеру не помогли, а для нас к тайнам мертвого города добавилась еще одна — тайна Медвежьего логова.

С 1949 года начался новый этап в изучении Гнёздова: экспедиция Московского университета и Смоленского областного музея начала проводить под руководством Д. А. Авдусина исследования Гнёздовских курганов. Успех раскопок 1949 года был ошеломляющим. Самой значимой стала находка корчага-амфоры середины X века с древнейшей русской надписью. Одно только слово — «гороухца» (или «гороушна»), а сколько толкований, мнений, статей! Тогда было бесспорно одно: это самая древняя славянская надпись, найденная в древнерусских землях.

К несчастью надпись использовали знаменем борьбы с норманнской теорией создания русского государства. Во имя победы над которой пришлось пожертвовать древним городом. Вот тут-то и пригодилась дореволюционная статья Богуславского, обращаясь к которой, Д. А. Авдусин объявил, что Гнёздово — это языческое кладбище Смоленска, откуда привозили хоронить его жителей, а в самом Гнёздове нет никаких поселений и, кроме курганов, здесь изучать нечего. И вообще, здесь похоронены только славяне, а скандинавские захоронения единичны. Так древний город в Гнёздове как бы умер во второй раз. Но шло время. Шаг за шагом, усилениями археологов И. И. Ляпушкина, Е. А. Шмидта, В. А. Булкина и других возвращался на страницы научных изданий древний город и его загадки. Пока шли ученые споры, раскопки курганов понемногу продолжались. В

Смоленский краеведческий музей поступили новые уникальные находки из Гнёздовских курганов: фибулы, браслеты, бусы, изделия из кости, предметы вооружения, пряжки, подвески, украшения поясов, конской упряжки и многое другое. Это были изделия ремесленников Византии, Скандинавии, стран Ближнего Востока, Хазарии, Южнорусских земель. Несмотря на то, что многие из них были повреждены огнем погребальных костров и имели утраты, они до сих пор завораживают своими формами, удивительной техникой исполнения.

Наконец, начались крупномасштабные раскопки Центрального Гнёздовского городища и селища, и стало ясно, что это действительно огромное и уникальное поселение IX–X веков на пути «из варяг в греки». Одни исследователи считают его первоначальным местом древнего Смоленска IX–X веков, другие — крупным торгово-ремесленным поселением. Автору ближе мнение, что это был перевалочный пункт на великом торговом пути и место сбора княжеской дани с подчиненных Киеву племен.

По древнескандинавским сагам можно попытаться и реконструировать его название. По мнению Т. К. Джексона, оно звучало как Свинеческ (по-древнескандинавски — Сюрнес), то есть поселение на реке Свинке, на которой расположено Центральное городище и селище.

Теорий много. Гнёздово неохотно раскрывает свои тайны, хотя периодически отдает исследователям свои сокровища. В 1993 году на Гнёздовском селище экспедиция МГУ под руководством Т. А. Пушкиной нашла самый крупный клад за всю историю изучения комплекса.

На территории Гнёздова будет создан археологический заповедник, и бывший мертвый город наполнится не только стуком лопат археологов, но и гомоном любознательных туристов.